

А.В. Бирюков

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ**

В общественной мысли IV–V вв. получила развитие концепция универсальной внеисторической империи. Данная идея базировалась на представлении о Риме как о мировом центре, Вечном Городе, ставшем для всех народов единой отчизной. В позднеантичных интерпретациях "римской идеи" можно выделить следующие ключевые моменты.

Город Рим возвышается до высочайшего идеологического уровня и обожествляется, что нашло отражение в культе богини Ромы. Именно к

ней возносил свои мольбы языческий поэт V в. галл Рутилий Намациан, сложивший гимн божественному Риму [Возвращение на родину, I, 45–54].

Рим также мыслился как наднациональный институт, провозглашавший унификацию народов в рамках общего единства, как некая суперструктура над культурно-идеологическими и политическими структурами отдельных государств и народов. Упомянутый Намациан торжественно восклицал: "...Рим и для них [покоренных народов. – А.Б.] сделался домом родным! / Курия римлян святая открыта и славе неримлян, / И не чужие ему, кто по заслугам свои" [1, с. 12-14].

В позднеимперскую эпоху Рим в глазах людей стал Вселенной (*orbis, kosmos, oikoumene*). Рим – город, полис – мыслился равновеликим миру. Не случайно Рутилий Намациан нашел особый символизм и историческую закономерность в созвучии латинских слов *urbs* (город) и *orbis* (мир): "То, что было – весь мир, Городом стало одним" [1, с. 66]. В итоге формируется своеобразная идеологическая формула: вселенная – это империя, а империя – это вселенная.

С упадком язычества имперская идея теснейшим образом соотносится с христианством. Появилось убеждение в провиденциальном назначении империи: она была создана почти в самый канун рождения Христа, чтобы "вместить" христианство, не случайно теми дорогами, что были проложены для римских легионов, прошли апостолы [2]. Автор IV в. Пруденций увязывал миродержавство Рима и будущее самой империи с идеей распространения христианской религии, с необходимостью небесного заступничества Христа. Евсевий Кесарийский помещает *Imperium Romanum* на место некоего библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство соединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию – империю-церковь.

Государственное христианство с IV в. приняло форму не столько религии, сколько унитарной космополитичной идеологии "священной" вселенской империи [3, с. 98]. В итоге вырабатывается монистический принцип, согласно которому все народы образуют одну обширную семью в рамках единой христианской (Римской) империи под скипетром Христа, представителем которого на земле провозглашался единый (т.е. римский) император, обитающий в столице мира.

После гибели Западной Римской империи родилась теория "переноса империи" (*translatio imperii*) – перехода на другой город (страну) всемирно-исторического достоинства Императорского Рима. Позднеримские и раннесредневековые авторы утверждали, что всегда существовала и должна существовать в мире некая универсалия исторической и политической

жизни, которая называется империей. Рим как империя мыслился функцией, лишенной пространственно-временной характеристики; носителями ее, как считалось, могут быть различные государственные образования.

Все европейские империи за минувшие полторы тысячи лет так или иначе "продолжали дело" Римской империи. Менее других готовы были смириться с ее гибелью те самые варвары, которые ее погубили. Они тотчас же принялись "играть в Рим", восстанавливая в меру своих сил внешние признаки низверженного величия [2].

"Вторым Римом" не случайно стал Константинополь. Как отмечал С. Аверинцев, "в пределах Средиземноморья есть только одно место, где Европа и Азия зримо подступают друг к другу: это область Босфора, Мраморного моря и Дарданелл. Там, у стен легендарной Трои, локализовано мифическое начало эллинской истории; оттуда же, как считали римляне, отправился к берегам Италии их родоначальник Эней. Там Ксеркс, царь Востока, перешел в Европу, и Александр, царь Запада, перешел в Азию. Место начала и конца: туда, как в свой изначальный дом, вернулась на своем исходе история античного мира" [1, с. 310].

Идея постоянства, вечности и геополитической преемственности Римской империи впоследствии стала основой для *translatio imperii* от Второго к Третьему Риму.

Литература

1. Семиотика и художественное творчество: сб. ст. / под ред. Ю.Я. Барабаша. – М.: Наука, 1977. – С. 308-337.
2. Каграманов, Ю. Империя и ойкумена / Ю. Каграманов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/kagram.html.
3. Намацян, Клавдий Рутилий. Возвращение на родину // Поздняя латинская поэзия. – М.: Худ. литература, 1982. – С. 283–304.
4. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство / В.С. Полосин. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.